

18+

НАИВЫСШИЕ УПАНИШАДЫ

ТОМ 3

БРИХАДАРАНЬЯКА

ПЕРЕВОД С САНСКРИТА:
СИДАРТ

Глеб Давыдов

**Наивысшие Упанишады.
Том 3. Брихадараньяка**

«Издательские решения»

Давыдов Г.

Наивысшие Упанишады. Том 3. Брихадараньяка / Г. Давыдов — «Издательские решения»,

Трёхтомник «Наивысшие Упанишады» включает в себя переводы одиннадцати важнейших Упанишад, выполненные Глебом Давыдовым (Сидартом). Это первый русскоязычный опыт эквивалентного перевода древних священных текстов индуизма. Здесь адекватно и точно передана не только смысловая составляющая, но и дух, поэтическая энергетика исходных откровений. Третий том составила «Брихадараньяка Упанишада». Многие стихи прокомментированы через призму традиции Адвайта-Веданты.

© Давыдов Г.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие (от переводчика)	6
Большая Лесная Упанишада	6
Практическое значение космогоний	8
Практика	10
Таинство Упасаны и Атма-Вичара	17
Прама́на Упанишад	20
О комментариях к этому изданию	21
АДХЬЯЯ ПЕРВАЯ	22
Брахмана Первая	22
Брахмана Вторая	24
Брахмана Третья	27
Брахмана Четвёртая	35
Брахмана Пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наивысшие Упанишады. Том 3

Брихадараньяка

Переводчик Глеб Давыдов

Дизайнер обложки Марианна Мисюк

Корректор Вера Вересиянова

Составитель Глеб Давыдов

Благодарности:

Артём Кайда, Игорь Ковригин (Риши), Валентина Смирнова, Анастасия Кошенкова, Ади Шанкарачарья, Ганеш Видьяланкар, Свами Мадхавананда, Макс Мюллер, Свами Никхилананда, Адитья,

Шри Раманачарана Тиртха (Свами Ночур), Патрик Оливель, Свами Шивананда, Р. Тья-гараджан,

Свами Сарваприйананда, Свами Сарвананда, Шрингери Шанкарачарья Шри Видхушек-хара Бхарати,

Ганапаати Брамашри Парашурама Шастри, Шри Шриниваса Шарма, Шри Манджу-натханм Шри Шанкар,

Маниккавинайакам

© Глеб Давыдов, перевод, 2026

© Марианна Мисюк, дизайн обложки, 2026

© Глеб Давыдов, составитель, 2026

ISBN 978-5-0069-8727-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0068-1471-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие (от переводчика)

Большая Лесная Упанишада

В предисловиях к этому трёхтомнику мы не раз уже цитировали индийского учителя по имени Шри Раманачарана Тиртха (он же свами Ночур). И та книга, которая сейчас перед вами, не станет исключением, ведь этот свами — один из немногих современных носителей ведийской традиции, говорящих и пишущих в наши времена (в частности, на отличном английском) о Ведах и Веданте доходчиво, ясно и живо — настолько, что за словами распознаётся не просто информационное знание и интеллектуальное понимание, а глубочайшая Суть. Вот что пишет¹ он об Упанишадах: «Упанишады — это не просто книги. „Урā“ означает „очень близко“, а „nīṣad“ означает „пребывание“. Это Знание, которое погружает вас в пребывание в Естестве — Вечном, Бессмертном, Блаженном, Целостном. Когда случается близкий контакт с Просветлённым Мастером, Упанишады работают как волшебные травы. Поэтому и сама встреча ученика с Учителем называется „упанаяна“. Божественное предназначение ведёт ищущего к Мудрецу, и в этой встрече его „упа-наяна“ — внутреннее око — открывается. „Cakṣur unmīlitam uena tasmai śrī gurave namaḥ“. Учитель смотрит на ученика не органом чувств — глазом, — но Высшим Бесконечным Оком. Поэтому Веды говорят: „Я созерцаю тебя через глаз Солнца! Проснись! Не томишься! Стань Бесконечным! Проснись, ты — Вечный!“»

«Брихадараньяка Упанишада» (что означает «Упанишада большого леса» или «Упанишада великих лесов») — это самая большая Упанишада и одна из древнейших и наиболее авторитетных. Она содержит в себе как мудрость многих других Упанишад, так и нечто большее. Именно здесь формулируются ключевые указатели адвайты, такие как «Ахам Брахмасми» («Я Есмь Брахман»), «Нети-нети» («Не то и не то»). Именно здесь впервые прозвучала всем известная мантра «Асатома сат гамайям» («Веди меня от ложного к истинному, от тьмы к свету, от смерти к бессмертию»). Именно здесь (что редкость для Упанишад) даются и достаточно подробные наставления для сексуального соития с целью ритуального зачатия.

Упанишада относится к традиции Шукла Яджурведы (Белой Яджурведы) и считается частью её Шатапатха-брахманы. Согласно научным оценкам, явлена «Брихадараньяка» примерно в VIII—VI веках до н. э., что делает её одной из самых ранних философских систем ведийской традиции. Авторство традиционно приписывают мудрецу Ягнявалькье (в другой распространённой транскрипции — Яджнавалкья), который в то же время выступает в качестве главного действующего лица многих диалогов в тексте.

Само название этой Упанишады (ещё один вариант перевода — «Великое лесное учение») указывает на её объём и на то, что она предназначалась для изучения в уединении лесов (Араньяка), куда уходили домохозяева-брамины по окончании активного периода семейной жизни, чтобы посвятить себя тапасу.

По традиции текст условно разделяют на три раздела (канды): Мадху-канда (учение о единстве Атмана и Брахмана), Муни-канда, или Ягнявалькья-канда (дебаты Ягнявалькьи с

¹ Цитата из авторского вступления к книге «*Sruti Gita. A Hymn by the Vedas*».

браминами о природе Брахмана и мира), Кхила-канда (методы медитации (упасаны) и этические наставления).

В академической традиции принято преподносить Упанишады как тексты в первую очередь философские. Но мы должны снова и снова акцентировать, что всё же это не философия. А если и философия, то лишь в изначальном, древнегреческом смысле этого слова («любовь к мудрости»). Это не сухая научная теория или концепция, а прямая передача недвойственного Знания.

«Страх уходит только тогда, когда человек знает, что двойственности нет. Единственная цель Упанишад — устранить двойственность. Тогда и только тогда все страдания исчезают, — говорит Шри Раманачарана Тиртха². — За последние несколько столетий из-за влияния tarka-śāstra [логики] и более поздних наслоений вся Vedānta-śāstra стала очень сложной. Но в самих Упанишадах нет никакой сложности. Они просты, очень-очень просты. Как говорит Свами Вивекананда: «Истина проста. Она проста, как само ваше существование».

Цель Упанишад — раскрыть Атман. Ученик приходит к Учителю, и Учитель наставляет ученика идти внутрь, чтобы распознать Истину. Вот что разворачивается в Упанишадах. В «Тайттирия Упанишаде» мудрец Бхригу приходит к Варуне и просит научить Брахману. Варуна говорит: «Иди и совершай тапас [Духовный Труд], и через тапас ты найдёшь Его». «Тапас» здесь означает глубокое исследование всем своим существом. Исследуй внутри и найди, откуда произошли все эти первоэлементы. То, в чём мир пребывает и к чему он возвращается, — это и есть Брахман. Исследуй и выясни. Мудрый ученик проводит глубокое исследование и возвращается, чтобы сообщить: «Я обнаружил, что материя — это Брахман», *annam brahmeti vyajānāt* (Тай. Уп. 3.2.1). Но, не удовлетворившись открытием, что «источник — это материя», он возвращается и исследует глубже. Каждый раз он возвращается и сообщает об «энергии» (*grāṇa*), затем об «уме» (*manah*), затем об «озарении» (*viśvānā*, или знание). Он остаётся недоволен и этими результатами. В конце концов он идёт совсем глубоко и касается источника Блаженства (*ānanda*), и личность уже больше не возвращается. Там он утверждается в Бесконечном Покое — *parama vyoman pratiṣṭhitā* (Тай. Уп. 3.6.1). «Тот, кто слушает это учение, тот тоже утвердится в Высшем Покое», — говорит Шрути. «*Ya evaṃ veda pratiṣṭhāti*» (Тот, кто знает это, тот, как и Бхригу, тоже утвердится.) Таким образом, плод духовного поиска заключается в Блаженстве Абсолютной Полноты. Это должно быть единственной целью ищущего».

² Сатсанг от 8 января 2026 г.

Практическое значение космогоний

В Предисловии к Первому тому этого издания было сказано: «Упанишады можно назвать высокочастотными откровениями, которые хотя и были зафиксированы в поэтической форме великими провидцами (риши) Древней Индии несколько тысяч лет назад, остаются и сейчас в полной мере актуальными для любого подлинно живого человека». И далее, ближе к концу того Предисловия говорилось: «Как, однако, определить, какая интерпретация верна, а какая — нет? Какой перевод корректен, а какой — нет? На этот вопрос можно ответить так: главный и решающий критерий только один, а именно чёткое понимание (или даже непосредственное видение) переводчиком того, о чём говорится в переводимом тексте. Интерпретация должна быть подтверждена садханой переводчика или комментатора, инсайтами, полученными во время этой садханы, инсайтами, согласующимися с утверждениями таких авторитетных Мастеров, как Шри Шанкарачарья и Шри Рамана Махарши. А подтверждён ли перевод истинными инсайтами, читателю становится ясно в процессе чтения — в том случае, если читатель сам пройдёт по представленным в этих текстах указателям и проверит, верны ли связанные с ними утверждения, убедившись на собственном опыте в их истинности или же опровергнув их собственным же опытом».

Читатель может спросить: чем же, однако, актуальны для современного человека и его садханы приведённые в Упанишадах описания, например, процесса Творения? (Радикальный вариант вопроса: разве могут быть правдой все эти «примитивные сказочные мифы»?) Да и можно ли подобные вещи проверить и подтвердить собственным опытом? Ответ: можно. Ведь это вовсе не какие-то описания давно минувших дел, никак не касающихся читателей напрямую. Это так называемое Творение происходит здесь и сейчас — каждое мгновение. И всё это — непосредственно про всех нас. Нужно просто иметь в виду, что соответствующие пассажи Упанишад говорят о том, как возникает мир («внутренний» и «внешний») каждого из нас — постоянно творится в нас нашим умом, вниманием, восприятием. И вот именно таким образом эти данные о космогонических процессах имеют абсолютно практическое значение для обретения Брахмавидьи. Ведь они позволяют отследить путь, по которому мы ежемгновенно конструируем эту Вселенную («воспринимаемый мир») в своём уме, просыпаясь от глубокого сна сначала как интуитивное знание «Я Есть» (Хираньягарбха), а затем как Чистый Ум (Праджапати, Брахма)³ — и начинаем давать названия вещам этого мира, устанавливая связи между ними, тем самым творя мир таким, каким мы его «знаем».

Целью же всего этого процесса Пробуждения (Пробуждения к распознаванию того, что это вот так, и того, как именно) оказывается приведение всего проявленного («воспринимаемого») мира к той самой гармонии, в которой по умолчанию пребывает Единое Целое, Брахман: посредством финальной Сáмо-реализации «внешнее» («полнота здесь») приводится к идентичности с «внутренним» («полнотой там»)⁴ райским пространством Брахмалоки. Это, по сути своей, знаменитое христианское «*Да придет Царствие Твое; Да будет воля Твоя и*

³ Термин «Хираньягарбха» («золотой зародыш», «золотое чрево») впервые появляется в Ригведе, в гимне 10.121, известном как «Хираньягарбха-шукта». Этот гимн восхваляет первичное божественное существо, возникшее в начале творения как сияющее семя, плавающее в космических водах. Подробнее о ступенях Творения см. в Предисловии ко Второму тому.

⁴ Там Полнота, здесь Полнота, от Полноты — лишь Полнота есть, ведь если отнять от Полноты, Полнота Полнотой останется. Эта гармонизирующая Шанти-мантра, которую мы уже видели в 1-м Томе в «Ишавасья Упанишаде», в равной степени относится и к «Брихадараньяка Упанишаде», так как обе эти Упанишады («Иша» и «Брихадараньяка») принадлежат к одной и той же ведийской традиции — Шукла Яджур-веде (Белой Яджур-веде). Шанти-мантра обычно закрепляется не за отдельным текстом, а за целой Ведой. Эта мантра по праву считается эссенцией всей Адвайта-Веданты. Подробнее объяснение этой мантры см. в комментариях к стиху 5.1.1.

на земле, как на небе»⁵. Ведь приведя к гармонии то, что «здесь», мы тем самым оказываемся «там», спасаем себя из «ада неведения», от смертности, вечного голода существования в мире форм.

Пробудившись к своей Истинной природе, мы начинаем жить в естественном мире Божьей воли, а не в выдумках, основанных на отжившей обусловленности, родовых травмах и кармическом мусоре.

Ещё одна цитата из сатсанга Шри Раманачарана Тиртхи: «Невозможно знать никого. Всё это воображение. Я смотрю на вас — я лишь воображаю вас. Вы смотрите на меня — вы лишь воображаете меня. Истинное знание может прийти только тогда, когда я иду глубоко внутрь себя и знаю себя как Атмана, как Чайтанью. И распознаю во всех эту Истину. В традиции мы говорим, что это возможно только через Шрути-праману [силу Шрути, то есть Вед], через Знание, которое дано в Упанишадах. Потому что в восприятии есть проблемы, в восприятии есть несовершенства. Так, когда мы видим воду, она не предстаёт перед нами как водород и кислород. Она предстаёт как вода. Но наука говорит нам: это водород и кислород. Так и Упанишады говорят нам, что всё это — Атман, чистый Чайтанья. И если у нас есть шраддха, бхакти, то мы начинаем действовать в мире исходя из этого. Принимаем высшую Истину, высшее Знание. И это есть преданность. Силой этого Знания мы начинаем постоянно видеть так (поэтому „Риши“, „Видящий“, называется так). Мы начинаем видеть не этими глазами (которые всегда и везде показывают нам лишь несовершенство), а глазами Знания. Мы на всё смотрим глазом мудрости, боддха-чакшу, и видим, что всё есть Пурна, Полнота. Здесь Полнота, там Полнота. Везде — Полнота».

⁵ Как-то раз известный индолог Андрей Парибок удивился на своей странице в ВК: «Вдруг обратил внимание на несколько странных синтагм в молитве „Отче наш“, а именно: „Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли“. Странно это выглядит потому, что необходимая предпосылка таких пожеланий — убеждение молящегося, будто от него в какой-то мере зависит, будет ли святиться имя, придет ли царствие и т. д. Но ведь такое убеждение нелепо и несовместимо с религиозной верой! Где произошёл сбой? В переводе на какой язык? И неужто нелепость всем незаметна?» На эту запись Андрея Всеволодовича переводчик настоящего издания оставил следующий комментарий: «Христианство в полной мере можно рассматривать как „адвайтическую доктрину“. И тогда все молитвы на самом деле обращены к Самому Себе, но: идентичность этого „самого себя“ у молящегося как минимум ущербна (что выражается в том, например, что ему вполне может казаться, будто от него и его пожеланий что-то зависит), и — чтобы молитвой трансцендировать эту ущербность (а это и есть высшая цель всех молитв) — молящийся сначала признаёт эту ущербность (недостаточность, ошибочность), акцентируя „да будет Твоя воля, а не моя“, например. А уж потом выходит за её пределы (там, где Его Воля — нисходит на „землю“, молящийся сливается с Ним)». Но, в конечном счёте, анализировать молитвы — сомнительное предприятие (сродни попыткам дать логическое обоснование плачу младенца). Как сказал Фёдор Тютчев: «И смысла нет в мольбе!»

Практика

Так как же можно проверить садханой то, что описывается в Упанишадах как Творение? Начать следует с Сáмо-внимания, с постоянного возвращения внимания к чувству «Я», «Я есть», «Я существую», «Я здесь». Творение вырастает именно из этого «Я», ведь это «Я» и есть Хираньягарбха в нас, та эманация Брахмана, из которой всё стало быть. А дальнейшее, как мы знаем из Упанишад, — это Его тапас. Так что тапас Само-внимания при чтении Упанишад будет верным средством для подтверждения их истинности. И для обнаружения Знания в Себе, Вед. Ведь не зря сами Веды фигурируют во всех описаниях Творения. Веды — это не тексты, не Писания. Веды — это непосредственно сами процессы, которые разворачиваются в них как в текстах — весь этот тапас, вся эта космогония, все ритуалы, упасаны, трансмутации и взаимосвязи. Это и есть Веды. Само извечно продолжающееся действие «Творения» — это Веды.

«Брихадараньяка Упанишада» начинается с Голода. Вначале был лишь Голод, чистый потенциал к Творению — укоренённая где-то внутри недифференцированного нутра потребность воспринимать. Бытие за пределами бытия и небытия. Безмолвная полнота, не знающая ничего, кроме самой себя. Ни пространства, ни времени, ни дыхания. Но в этой бездне возникло напряжение, Голод — не как отсутствие, а как стремление быть.

Вот медитативный указатель от Муджи⁶, следуя которому можно пройти прямо к этой точке предначальной полноты Ничто:

*Будь с ощущением «Я есть»,
с естественным чувством, что ты существуешь.
Это не что-то такое, чему ты научился.
Не требуется ни времени, ни усилий, чтобы это ощущение
осознавать.
Это естественное интуитивное знание,
которое здесь ещё до появления усвоенных знаний
и обусловленности.
Оно никогда не отдельно от тебя.
Ощущение «Я», ощущение «себя» указывает на сознательное
присутствие.
Нет никакого расстояния, которое требовалось бы преодолеть,
чтобы его достичь.
Без него нет существования.
Оно естественно присутствует там, где присутствуешь ты.*

Итак, сейчас — просто будь с ним.

*Не позволяй чувству присутствия соединяться с чем-либо ещё,
даже если это что-то знакомое, привлекательное или
естественное.*

⁶ Муджи. Из книги «Белый Огонь. Духовные Откровения и Указатели Мастера Адвайты», пер.: Глеб Давыдов.

*Не соединяй и не смешивай своё естественное ощущение бытия
ни с какой мыслью, образом, концепцией или чувством.
Не удерживай в уме никаких намерений.
Не фокусируйся ни на прошлом, ни на будущем, ни даже на
настоящем.
Оставь в стороне абсолютно всё.*

*Теперь ты должен быть совершенно пуст,
и это не воображаемая пустота,
а безграничная пустота, присущая тебе изначально.
Заметь, что в том, чтобы быть пустым, нет никаких усилий.
Эта пустота не может ни прийти, ни уйти.
Она присутствует везде и всегда.*

*Что остаётся, когда отброшено всё остальное,
в том числе даже такое близкое и тонкое ощущение,
что ты жив и присутствуешь?
То, что просто здесь и не может быть отброшено, —
оно вне форм. А также оно вне личности. Оно вне времени.
И вне изменений. Осознавай это. Это и есть истинное Я.
Ты можешь заметить, что оно не впереди и не сзади,
не внутри и не снаружи, не над и не под.
Оно повсюду, одинаково везде.*

*Когда говорится «Оставайся в этом», нужно понимать,
что нет никого и ничего (ведь это не-что-то), что могло бы
оставаться в этом, ведь на этом уровне видения ясно:
нет ничего отдельного от этого.
Всё, что возникает, — это только видимость, проплывающая,
как облака.
Ничто не задерживается.
И это не что-то происходящее. Это просто Ты.*

А вот ещё один указатель Муджи — прямиком к первозданности Хираньягарбхи:

*Это тело позволяет тебе ощутить
время, вкус, запах, прикосновение —
чувство «чего-то другого», вкус красоты.
Но я хочу, чтобы ты пошёл глубже внутрь,
за пределы непостоянного.
Твоё внимание привыкло уходить через органы чувств наружу.
А теперь мы нажмём кнопку «в обратную сторону».
Сделай поворот на сто восемьдесят градусов и иди внутрь
так глубоко, насколько это возможно,
но ничего с собой не бери.
Теперь ступай за пределы фасада своего тела,*

за границы эмоций, чувств, мыслей.
Ныряй глубже и глубже в себя, минуя все явления:
семью, образование, культуру, идеи о мире, образ себя.
Очень хорошо. А теперь иди ещё глубже внутрь...
Тишина.
И всё же иди, минуя тишину, дальше внутрь.
Дойди до пространства, за которым
расстояния исчезают.
Здесь ты уже не можешь идти куда-либо. Здесь ты можешь
только быть.
Смотри всей полнотой себя,
а не только своими физическими глазами.
«Здесь нет ничего!» — говоришь ты.
А я спрашиваю: есть ли что-нибудь за гранью этого ничто?
Если воспринимается ничто, тогда что его воспринимает?
Смотри из тишины.
Человек проходит через все двери, одну за другой,
и каждая дверь должна закрыться за ним,
пока он не придёт сюда.
И вот ты здесь, внутри самого «внутри».
Ты пуст — за пределами имён, форм и концепций.
Ты в этом ничто как само это ничто.
Редок тот, кто покидает себя
и выходит за границы проявленного, чтобы быть здесь,
в пространстве Того, что никогда не рождалось.

Вся 20-я глава «Рибху Гиты» тоже об этом погружении. Например:

20.28

Пребывание так — единственный путь
к твёрдому Знанию: «Я — только Брахман».
Я — только Брахман, вне всяких сомнений,
Блаженство, Сознание, Бытие.

20.29

«Природа Моя — Естество Блаженное,
не существует ничего больше» —
относись ко всему только так, только так,
а потом и это отбрось, будь Единым.

20.30

После чего забудь даже это
и оставайся совсем без качеств.
А потом, превзойдя это,
пребывай за пределами слов.

20.31

*Но, отбросив и то, что вне слов,
оставайся Сознанием только,
и, оставив и то, что вне Естности,
обретй покой только в Брахмане.*

20.32

*И забыв пребывание только Сознанием,
погрузись во всецелую тишину.
Тишину же оставив всецелую,
погрузись в тишину великую!*

20.33

*Тишину оставив великую,
обретй в сердечной приют.
Тишину оставив сердечную,
обнаружь тишину души.*

20.34

*Но оставь тишину души,
обретая пустотность души.
Оставляя пустотность души,
оставайся тем, кто ты Есть.*

20.35

*И оставив Собой пребывание,
оставайся вне слов и ума,
где сказать и помыслить не о чем —
нет другого там, нет отдельного.*

20.36

*Или можно сказать по-другому:
всё отбрось — оставь лишь «Я — Брахман»,
созерцай всегда это и помни об этом,
медитируй на То, что вне качеств.*

20.37

*Пребывай в этом Знании Истины,
всегда мудрый, Всевишний всегда,
и блаженный всегда, всегда определённый,
никогда и ничем не затронутый.*

20.38

*Всегда ясный, Собою преисполненный
и всегда недвижный, сияющий,
всегда вечный и чистый всегда,
пробуждённый всегда, растворённый⁷.*

В строгом смысле, тому, кто понимает Адвайту не только интеллектуально, но имел хотя бы «проблеск недвойственности», совершенно ясно, что на самом деле никакого Творения не существует и никогда не существовало и что весь этот мир — иллюзия, которая ежемгновенно появляется и исчезает и поддерживается только силой веры и внимания. Однако о Творении в Упанишадах говорится постоянно и настойчиво, и не просто как о чём-то таком проходном (что было бы так, если бы речь о Творении заходила только для успокоения ума, как трактовал это Шри Шанкарачарья, о чём было сказано в Предисловии ко 2-му Тому настоящего издания). Так в чём же причина такого пристального внимания к вопросу Творения со стороны великих Упанишад? Причина как раз в том, что это важно для садханы. Эти теории действительно способны помочь зрелому стремящемуся на его пути к Истине, так как они являют собой наглядные описания того, как именно возникает неистинное, нереальное, а потому позволяют отследить этот путь обратно — в процессе садханы — и прийти к Несотворённому, что, в конечном счёте, и есть главная цель всех Упанишад. Прийти к Несотворённому не посредством каких-то внешних манипуляций (как говорит об этом «Мундака Упанишада», «не прийти ведь к Несотворённому чрез сотворённое!», 1.2.12), а прийти к Нему через глубокое медитативное исследование сотворённого и (посредством этого исследования) отбрасывание его как ложного, и через погружение всё глубже и глубже — через «возвращение назад тем путём, каким мы пришли», по выражению Шри Раманы Махарши.

В Предисловии ко 2-му Тому сказано: «На протяжении всего этого так называемого „Творения“, описанного Упанишадами, единая Реальность, Брахман не меняется, сохраняет свою изначальную полноту и целостность, и в этом смысле никакого творения в Реальности вообще не происходит. <...> Поэтому из всего описания процесса Творения ясно главное: на каждом этапе так называемого Творения поистине существует только То, что Есть, Бытие, Сат. И ничего другого».

Далее (особенно в ходе чтения «Брихадараньяка Упанишады») может возникнуть ещё один вопрос: что же насчёт подробностей и деталей? Как можно сопоставить со своими собственными инсайтами раскрываемые в Упанишаде подробности, например, о сотворении кастовой системы и тому подобного? Как пройти по ним как по указателю? Об этом скажем лишь в двух словах (и затем объясним, почему не очень подробно).

На все подобные процессы, разворачивающиеся в Упанишадах, можно смотреть как на символы тех или иных психических процессов или психологических структур души. Например, создание варн — это формирование тех или иных базовых механизмов в психике человека: кшатрии — инстинкт самосохранения, самообороны; брамины — прямая связь с Брахманом, способность к самопожертвованию ради высшего, способность к Само-распознаванию; вайшьи — базовые механизмы жизнедеятельности и выживания; шудры — способность к труду и обеспечению пропитанием себя как единого слаженного механизма (системы).

⁷ «Рибху Гита. Сокровенное Учение Шивы». Седьмая редакция, пер.: Глеб Давыдов. Этот же путь кратко описан в «Брихадараньяка Упанишаде» в стихе 3.5.1.

Смотреть на все эти «становленческие» перипетии Упанишад можно посредством классической традиции изучения Вед, которая гласит, что их послания могут быть восприняты и интерпретированы на следующих уровнях:

— Адиатмик (*ādhyātmika*) — высший (внутренний) духовно-психический уровень, контекст которого — самопознание, природа Сознания, освобождение, глубинное единство дживы и Атмана, — ведические ритуалы здесь рассматриваются как символы и метафоры высших психических и духовных процессов;

— Адидайвик (*ādhidaivika*) — теологический уровень, уровень божественных сил и космических природных принципов (*daiva*), где контекст интерпретации — явления и законы природы как проявления божественных сущностей, и ведические ритуалы в таком случае направлены на гармоничное сосуществование с этими силами;

— Адибаутик (*ādhibhautika*) — материальный, эмпирический уровень, то есть внешний мир, связанный с активностью других существ (*bhūta*), а в контексте ведических текстов — взаимодействия между существами, жизнь социума, где действуют карма, дхарма и социальные предписания.

То, как мы рассматриваем Упанишады сейчас, — это в основном адиатмический уровень рассмотрения. И как раз на этом уровне в первую очередь нужно рассматривать Упанишады, сама суть которых именно в Мокше, Освобождении.

Например, если брать самое начало «Брихадараньяка Упанишады» (ритуал Ашвамедхи, жертвоприношение Жеребца) и рассматривать его в этом свете, то с высшей точки зрения (*ādhyātmika*) получается следующая картина: Заря (богиня Уша, символизируемая головой подносимого жеребца) — это самое начало Проявления; Существование, приняв форму Зари (первичного импульса Творения), буквально высветляет то, что ещё не проявлено, стремительно двигаясь из тьмы. Всё дальнейшее — процесс становления в деталях. Жеребец становления несётся из непроявленного в проявленное. При чём здесь жертва? Из дальнейшего ясно: самим процессом становления Брахман как бы (как бы!) теряет самого себя в проявленном, приносит себя в жертву. Божественная шакти изливает себя в себя же как движение Проявления в потоке. Это и есть Приношение в высшем смысле слова. Жеребец со всеми его частями и функциями и есть символ этого разворачивания потока. Таким образом, интерпретация первого стиха с высшей ведической позиции будет следующей: «Движение Проявления — это устремлённость Бытия, приносящего Себя в жертву». Если же брать уровень Адидайвик, то это будет звучать чуть проще, но тоже довольно высоко: «Уша, богиня проявления, — начало Проявления Вселенной». Ну а на земном, Адибаутик-уровне, это всё выглядит непосредственно как вполне физическое действие — ритуал Ашвамедхи, жертвоприношение Жеребца.

На самом деле, конечно же, в оригинале Упанишады важно каждое слово, каждое тончайшее значение каждого из слов. «*Sūrya*» — это не просто «солнце», «*agni*» — это не просто «огонь»... Каждое слово играет роль в совокупности всего множества своих смысловых оттенков — и если знать их все, то это позволяет выстроить наивысшую из интерпретаций максимально точно и подробно. И многие из этих тончайших смыслов едва ли можно передать в литературном переводе. (Их, вероятно, можно было бы передать разве что в максимально детализированном научном переводе, который, впрочем, мало кто сумел бы прочитать, да и создать.) Но этого и не требуется. Преимущество литературного, или, сказать точнее, адекватного поэтического перевода именно в том, что в нём все эти тонкие смыслы всё равно передаются на тонких вибрационных уровнях и считаются читателем глубоко внутри, независимо от его склонности или несклонности к каким-либо интерпретациям. Вот это и есть поистине

«эквивалентно-адекватный» перевод, и именно такой перевод сейчас перед вами («эквивалентный» не в смысле точного сохранения формы, а в смысле точной трансляции самого послания, ведь эта Упанишада написана ритмической прозой, а не в метре; переведена же — в метре, что сделано как раз ради передачи тонких слоёв её послания). Поэтому, читая все эти описания ритуалов и космогонических пертурбаций, даже и нет особой нужды пытаться специально размышлять над ними с целью сознательно вычленить из них что-то, например, полезное для своей садханы (какие-то конкретные практики или воззрения). Напротив, подобная интеллектуальная активность может многим даже навредить (она полезна только для тех, кто от природы обладает склонностью к такого рода аналитическим погружениям). Гораздо более разумным и эффективным способом читать эти тексты будет читать их, можно сказать, «без ума» — просто проглатывать на уровне ритма и образов, не пытаясь понять или истолковать эти образы, даже просто-таки игнорируя любой намёк на желание объяснить их скрытые смыслы. Именно так текст будет работать уже внутри, в подсознании, постепенно открывая ум для тех точных выстрелов-махавакй, которые начинают прорастать в этой Упанишаде почти с самого начала (в отличие от «Чхандогья Упанишады», где предварительная «раскачка» происходит достаточно долго). Вот ритуалы, вот процессы Творения, какие-то глубинные мифы, и тут: «Я есмь Брахман». Точка.

Таинство Упасаны и Атма-Вичара

Как и в «Чхандогья Упанишаде», в «Брихадараньяке» значительное место уделено упасанам — подготовительным медитациям и ритуалам, настраивающим и очищающим аспиранта для получения Брахмавидьи. Шри Раманачарана Тиртха говорит по поводу соотношения между Джняной и Упасаной: «Во всех аутентичных истинных традициях Учитель знает в совершенстве учение и способен дать ученику последовательные шаги для упасаны, и это очень важно, потому что без этого Джняна не останется. В «Рамана Гите» Бхагаван [Шри Рамана Махарши] говорит, что без упасаны Джняна не будет устойчивой. Об этом же говорит и Видьяранья Свами: если человек недостаточно очистил свой ум посредством бхакти, Джняна в нём не задержится. Он может писать книги, давать лекции, но... в нём не будет Шанти. Ананды не будет, спокойствия не будет, непривязанности не будет, не будет чувства удовлетворённости. А без этого ты, конечно, всё знаешь и можешь оправдываться чем-то вроде:

— Почему же ты страдаешь?

— Это моя прарабдха, это только тело и ум страдают.

Ты можешь говорить все эти вещи, но на самом деле ты так и остался там, где ты начал. Так что упасана необходима. <...> В некоторых традициях ищущие долгие годы делают упасану мурти⁸ и в итоге получают даршан этого божества, и только после этого переходят к Веданте. Для таких людей Джняна даётся очень легко. Такова традиция. Или же делают какую-то ещё бхакти-садхану, карма-йогу, и только затем приходят к Джняне».

Читатель может задать ещё один вопрос: «С упасанами всё понятно, они полезны для изменения настройки ума и для его очищения. Но можно ли практически соотнести описания разнообразных жертвоприношений, данных в „Чхандогья“ и „Брихадараньяка“ Упанишадах, с повседневной садханой?» Ответ: «Как и с космогоническими описаниями, это даже нужно, если вы имеете к этому склонность, а если не имеете, то достаточно иметь соответствующую бхаву, отношение». Ведь всё то, что было сказано выше о разворачивании в Упанишадах процессов Творения, применимо и к упасанам. В своей эссенции космогонии даже и не отделяются от медитаций-упасан. Все эти ритуалы, по сути, есть воспроизведение на микрокосмическом уровне тех самых процессов Творения, отождествления, поддержания и растворения. Это воспроизведение в идеале нужно проходить (в обратном порядке) не только в медитации, но и переносить на повседневное проживание (не в сам событийный ряд, а в своё отношение к нему). Прочитую фрагмент из «Сайлент Ситтинга» Муджи⁹: «В нашем динамическом выражении, в точности как это тело растёт, изменяется без страданий, так и жизненная сила перемещается от формы к форме сообразно воле Всевышнего. Но То, что мы Есть, не перемещается. Все семена Вселенной прорастают здесь и поддерживаются здесь. Не слишком ли сильны эти слова для вас? Но для кого? Для кого? Рука Бога с вами, чтобы вытащить вас из поля страдания. Примите. И откройте свой ум и свое сердце живой Истине, Нетленному Естеству. Предложите Ему своё чувство контроля, эту потребность в контроле. Будьте прасадом. И в то же время будьте Тем, кому прасад предложен. Без гордости, без гордыни. Вы не можете быть наполовину живыми, кусочком жизни. Вы должны быть Полностью Живы. И Полной Жизнью». Читая в «Брихадараньяке», например, о подношении жеребца, о том, как Господь

⁸ Упасана мурти — поклонение божеству в форме статуи или изображения.

⁹ Сайлент Ситтинг, 05.12.2017.

превращался в еду для самого себя, отождествляясь с телом, просто помните это «Будьте прасадом. И в то же время будьте Тем, кому прасад предложен». И это уже достаточная садхана.

Даже такая, казалось бы, далёкая от ритуалов-упасан «практика», как Атма-вичара (само-исследование по Рамане Махарши), — это, в сущности, упасана в химически чистом, беспримесном виде. «Брихадараньяка Упанишада» в стихе 1.4.7 говорит об этом совершенно отчётливо:

*Поклоняться нужно лишь «Я» —
одному Естеству единому,
в Нём все частные естьности сходятся
и становятся Целым Одним.
Это «Я» — следы Его Стоп,
что во всём проявились. Пройдя
по следам тем, Его обнаружишь.*

Вот как выполняется эта дистиллированная упасана пошагово. Сначала находим ахам-вритти. Ахам-вритти — это «я-мысль», мысль о себе как о ком-то отдельном, выраженном в виде тела. Это просто уровень обычной дживы, эго-индивидуальности, именно этим мы себя чувствуем, начиная само-исследование, и эту данность необходимо принять полностью и исследовать. Поэтому начало атма-вичары — это попытка вычленить эту мысль о себе (мысль «я»), отделить её от всех остальных мыслей, чувств, эмоций, ощущений (например, посредством вопрошания «кто я? или «осознаю ли я? кто осознающий?»). И далее мы переносим всё своё внимание на эту коренную мысль — «я». При этом мы не пытаемся отмежеваться от чего-то, отбросить что-то, от чего-то избавиться, а просто признаём свою текущую отождествлённость как факт: «Я сейчас вот это — то самое эго, та самая «я-мысль», которая чего-то очень не хочет и чего-то очень хочет, чувствует вот то-то и то-то. Это сейчас и есть «я», посмотрим теперь именно на это «я» внимательно — не чтобы избавиться от него или от чего-то, а чтобы признать чётко, что я в данный момент вот этим и являюсь». Ни с чем не борясь, не пытаясь от этого «я» избавиться и обнаружить какого-то невовлечённого свидетеля. Просто вот это «я». Маленькое текущее «я». Поначалу нужно оставаться только им. Это начало, первый шаг само-исследования.

Здесь мы улавливаем самый центр, сердцевину этого чувства «я». Всем своим вниманием погружаемся только в самый центр этого маленького «я», в его средоточие. Как в сказке про Кощея (Бес-смертного): в яйце — игла. А у иглы есть ещё остриё — самая тонкая часть иглы. Именно остриё иглы — это её центр, потому что игла в самом своём центре такого же размера, как её остриё.

Именно здесь, на самом острие, плотное «я» исчезает, превращаясь в пульсацию «Я Есть», непрерывную вибрацию-чувство, которое охватывает и тело, и ум. При дальнейшей неослабной фокусировке внимания на этом «Я Есть» происходит взбивание нервных каналов. Этот уровень в рамановском исследовании называется «Ахам Спхурти», или «Ахам Спхурана». А в Веданте этот уровень обозначается как «Вират» или «Вайшванара», Вселенская форма Господа (ведь это «Я Есть» уже не индивидуально, а универсально для всех живых существ, это то самое Сознание, которое проявлено как Вселенная). Это уже, в сущности, Атман, Естество, Естьность.

Здесь уже ничего не нужно делать — просто быть. Именно к этому уровню относится знаменитое рамановское «Chumma Ire» (тамил.), которое на английском превращается то в «Сохраняй покой», то в «Просто будь», то в «Не трогай ум».

Нужно просто быть только на этом острие — в этой точке, где остриё перестаёт быть остриём и становится ничем и всем. Быть, ничего не пытаясь увидеть, сделать, отбросить или осознать. Это и есть шраддха, это и есть бхакти — высшая преданность Стопам Всевышнего. Просто быть там. Дальше всё происходит само собой, если ты действительно фокусируешься только на этой медитации. Именно таким образом «кощеева игла» эго ломается (при этом цель практикующего атма-вичару — вовсе не «избавиться» от эго или от чего-то ещё, или что-то там «сломать» или «обрести»; цель одна — просто остаться самим Собой).

Следующий за этим финальный уровень исследования — это «Ахам Бодха», чистое, ни с чем не смешанное интуитивное Знание «Я Есть» — тишина за пределами всех вибраций и пульсаций — тот экран, на котором все эти вибрации и пульсации появляются. Это и есть первая манифестация Брахмана — Хираньягарбха (Сагуна-Брахман, которого можно во избежание излишних концептуальных усложнений приравнять к Ишваре) — манифестация, которая не отдельна от самого Брахмана. Как раз об этом уровне — великая махавакья «Брихадараньяка Упанишады» «Ахам Брахмасми» — «Я Есть — Брахман».

При этом нужно учитывать, что переход от одного «уровня» к другому условен, никак не фиксирован и происходит сам собой — естественным образом, без участия ума и усилий какого-то отдельного индивидуума (ведь ум как некое свойство индивидуальной души, дживы, отпал ещё на этапе «Ахам Спхураны»).

Если же на раннем этапе опять начинают приходить мысли или чувства для этого маленького «я», то нужно тут же, как только это становится замечено, опять переключить полное внимание на обычное маленькое «я», для которого они пришли (потому что ведь мысли приходят только для маленького «я»). И начать всё сначала, оставшись только с этим «я». Это «я» первого этапа «Атма-вичары» — не какое-то истинное «Я», это просто обычное повседневное «я», к которому приходят мысли и чувства, но важно смотреть прямо в его центр, а не пытаться подмечать, что там к нему пришло. И не нужно, например, пытаться установить: «я ли это на самом деле». Чувство маленького «я» не сложно установить: «я» ощущается как центр самого себя в каждый конкретный момент времени, когда ты говоришь «я думаю», «я чувствую то-то», «я делаю вот это» или «собираюсь сделать» и т. д. Все люди знают своё обычное повседневное «я». Вот этим и надо остаться поначалу и идти внутрь него.

Если же мысли или чувства начинают приходить уже на более поздних этапах (например, «Ахам Спхурти» или «Ахам Бодха»), то лучшее средство — игнорировать их («Chumma Ire»), и тогда они быстро растворяются. Если же игнорировать нет возможности, это значит, что в силу вновь вошла отождествлённость с маленьким «я», и тогда следует переключаться вновь на самый первый этап исследования.

Практиковать это Сáмо-исследование, читая «Брихадараньяка Упанишаду», не просто можно, но и благоприятно — потому, что она создаёт для этого необходимый энергетический фон. Это подобно тому, как практиковать в присутствии истинного Гуру. И ещё раз подчеркнём: нет необходимости выискивать и прояснять все символические и концептуальные параллели, достаточно просто знать и полностью верить, что они там есть и работают подспудно, на энергетическом уровне, и это именно То, что нужно.

Прамана Упанишад

Шри Раманачарана Тиртха как-то сказал¹⁰ о том, что слово «Шастры» (по крайней мере, в контексте текстов Шанкарачарьи) означает «Упанишады». «Шастры» — это тексты, обладающие авторитетом Веданты. «Всё, что согласуется с Упанишадами, считается аутентичным. На этом базируется Веданта. Всё, что не согласуется с Упанишадами или отходит куда-то в сторону от Упанишад, даже если это Пураны или другие Смрити, мы называем такие писания «артха-вада» («пусть поговорят»). Какие-то истории, какие-то верования они могут излагать. Для развлечения или для какой-то ещё цели — это нормально. Но единственная прамана, достоверность [валидность], остаётся только за Упанишадами. Даже «Бхагавад Гита» становится аутентичной, авторитетной только потому, что она является лучшим комментарием на Упанишады. Это факт.

И никакой отдельный человек с его частными мнениями не может считаться аутентичным авторитетом. В своих комментариях на «Брахма Сутры» Шанкарачарья говорит, что даже Капила не может считаться «праманой», когда начинает говорить что-то о том, будто он нашёл некую новую Истину. Истина никогда не может быть новой. Она может быть свежей — когда кто-то вновь открывает её. Но не новой.

Рамана Махарши стал таким аутентичным мудрецом не потому, что он был Рамана Махарши, не потому, что он пришёл в Тируваннамалай, не потому, что носил только набедренную повязку, не потому, что он сидел безмолвно и передавал покой всем. Нет. Всё, что он говорил, было совершенной Джняной, которую вы можете видеть и в Упанишадах. И сам он говорил: если этого нет в Упанишадах, это не может быть сказано через эти уста. Он говорил: Аруначала — это то, что сияет как Упанишады, Веданта. Внешняя Аруначала [гора] — вот, [перед нами]. Но реальный Аруначала [Шива] — это сияние, которое сияет как Веданта, Упанишады.

Причём как сияет? Не в книге! А в твоём сердце. Книга — это лишь зеркало. Вот в чём величие книги. А не в том, что мы какие-то рабы книг. Ни одна книга сама по себе не аутентична. Книга аутентична потому, что она становится зеркалом, которое открывает тебе того Тебя, который ты есть на самом деле. Даже не то, каким ты кажешься. Ты кажешься телом, ты кажешься умом, но зеркало Упанишад открывает тебе Тебя таким, какой ты есть в реальности. В любом стихе Упанишады говорят тебе, что ты Чистый, что ты Вечный, ты Извечно-пробуждённый, ты та Сат-Чит-Ананда. Вот что показывают тебе Упанишады. Даже если вор встанет перед этим зеркалом, оно не отразит его как вора, оно отразит его как Брахмана. Блаженного, Пречистого. Вот в чём прамана Упанишад».

¹⁰ Сатсанг от 17.11.2025.

О комментариях к этому изданию

В задачи настоящего издания не входит подробное комментирование всех не очень понятных или кажущихся «туманными» пассажей Упанишад, однако моменты, которые выглядят концептуально запутанными и неясными, всё же прокомментированы и разъяснены — так, чтобы читатель не слишком отвлекался от текста, пускаясь в попытки (скорее всего, тщетные) понять эти моменты самостоятельно. В остальных случаях, даже если текст кажется сложным, переводчик оставляет читателю возможность самому разобраться, о чём идёт речь: если сложное место осталось без комментария, значит, это всё же не так уж сложно сделать и без комментария (хотя стоит подчеркнуть, интеллектуальное понимание далеко не всегда необходимо — Упанишады работают с Сознанием читателя не только через ум, но и подсудно, на энергетическом уровне, который в данном переводе сохранён; а чтобы этот уровень работал эффективнее, *текст стоит прочитать несколько раз и при этом вслух*).

Если к тому или иному стиху имеется Комментарий, то рядом с номером этого стиха проставлен значок «+», а внутри стиха около конкретного слова или предложения, которое в этом стихе прокомментировано, имеется знак «*». Сами же Комментарии расположены сразу после соответствующей части (адхьяи), к которой относится стих (там указан и номер стиха, и процитирован комментируемый момент).

В Комментариях в большинстве случаев даны интерпретации Ади Шанкарачарьи, который написал подробные комментарии на 11 Наивысших Упанишад (канон Мукхья). Эти комментарии сами по себе стали классикой Адвайта-Веданты, хотя для того, чтобы понять их должным образом, зачастую требуются комментарии на комментарии (и таких книг комментариев на комментарии Шанкары в Индии и за её пределами очень много). Это объясняется тем, что Шанкара жил в VIII веке и его комментарии ставили перед собой конкретные задачи, связанные с полемической религиозно-философской атмосферой того времени. Однако многие моменты всё же ничуть не потеряли своей актуальности. Впрочем, в этом издании комментарии Шанкары в любом случае излагаются в простой и доступной современному читателю форме, и комментариев на комментарии не требуется. (Если же в Комментариях нет никаких ссылок на Шанкарачарью или кого-то из индийских свами, значит, перед вами либо простая справочная информация, либо интерпретации, основанные на непосредственных инсайтах переводчика.)

Глеб Давыдов (Сидарт), февраль 2026 г.

**Ом
Там Полнота, здесь Полнота,
от Полноты — лишь Полнота есть,
ведь если отнять от Полноты,
Полнота Полнотой остаётся.
Ом Шанти, Шанти, Шанти**

АДХЬЯЯ ПЕРВАЯ

Брахмана Первая

1.1.1+¹¹

Заря — голова жеребца поднесённого¹²,
Его глаз — это Солнце, дыхание — ветер,
его зёв — огонь Вайшванáры.
Торс коня — это год, а спина — небеса,
его брюхо есть воздух, груди́на — земля,
а бока его — сто́роны света, четыре,
его рёбра — четыре меж ними.
Ткани о́рганов — го́да сезоны,
сочлененья — недели и месяцы.
Ноги — ночи и дни, ко́сти — звёзды.
Мясо, мышцы его — облака́.
А остатки еды в нём — песок,
а сосуды его — это реки.
Печень, внутренности — это горы,
а на теле волосы — тра́вы
и деревья, а весь его пе́ред —
это солнца восход, круп — закат.
А когда он всем телом тянется —
это молнии полыхают,
а когда он встряхнулся — то гром,
а когда помочился — дождь.
Его ржанье — звучание речи.

1.1.2

День — сосуд золотой воистину,
пред конём тем возло́женный.
Тот сосуд называется Слава,
и возник он из моря восточного.
Ночь — сосуд за конём возложенный.
Тот сосуд — серебряный, он
называется так же — Слава,
он исходит из моря на западе.
Эти силы — по обе стороны
от того жеребца зарождаются.
Как скакун самый быстрый, несёт он богов,

¹¹ Знак "+», проставленный около номера стиха, указывает на то, что после текущей Части (Адхьяи) можно найти комментарий на этот стих. Символ «*» внутри стиха указывает на конкретный момент, который там прокомментирован.

¹² О символизме этого стиха и космогонического ритуала Ашвамедхи кое-что сказано в главе Предисловия под названием «Практика».

как скакун самый яркий — гандарвов несёт,
как скакун норовистый — асуров несёт,
как скакун заурядный — людей.
Море — стояло его и Исток.

Брахмана Вторая

1.2.1+

Ничего вначале здесь не было — не было —
Смерть, и только — вместо всего,
только голод, ведь голод есть Смерть*.
Он решил: «Да стану я чем-то!»
Он зажётся трепетом радости
и запел, и пришёл он в движение.
И в движении этой радости —
появились воды* Творения.
«Чтил Сиянье Себя — и стало
воплощённым семя желания!»
Так священным, сияющим, Аркой*
стал Он, Пламенем благоговения
к своему же Свету всеславному —
и живую воду блаженства
с той аркátвой* получит, кто ведает.

1.2.2

Воды — Арка воистину, пена
на поверхности вод затвердела
и явилась землёю, и вот
на неё отдохнуть Он прилёг,
и от жара сути Его
раскалилось — возник Огонь.

1.2.3+

Он Себя проявил в трёх частях:
солнце — третья, и ветер — третья,
и как прана в троичности стал
на востоке своей головою
и руками по обе стороны,
и на западе — низом Он стал,
и ногами по обе стороны.
А бока Его — север и юг.
А спина — небеса, а живот — атмосфера,
грудь — земля, и стоит на воде Он.
Ту устойчивость обретает
тот, кто знает*, что это так.

1.2.4+

Возжелал: «Пусть естность* Вторая
будет явлена из Меня!»

И явил Он умом своим Слово —
сочетание звуков возникло,
стало Быть из Голода-Смерти.
Слово стало семенем года,
время стало быть так, а до этого
никакого времени не было.

Целый год Он его вынашивал,
а потом изверг из Себя.
А когда возникло оно*,
Он разинул свой рот, собираясь
проглотить его тут же, но то
закричало истошно: «Сияю!»
Так воистину стала быть речь.

1.2.5+

Он подумал: «Если сейчас
проглочу его Я, это будет
очень мало еды». И тогда
через речь этой естности новой
сотворил Он всё это: Ригведу,
Яджурведу и Самаведу,
все стихи и все подношения,
всё потомство, животных всех.
И всё то, что Он сотворил,
сотворил Он для поглощения.
Он ест всё, и по этой причине
Едокóм, Адíti, зовётся
бесконечность Его проявлений.
Для того, кто знает природу
Едока́, бесконечной Адíti,
всё едою становится здесь,
и он сам Едокóм* становится.

1.2.6

Возжелал Он ещё обильнее
жертву новую сотворить:
«Да свершится жертва!» — усилия
прилагал он, корпёл-нагревался —
словно пар, поднялась Его сила,
из Него изошла. Эта сила —
воссияла как Прана, и тело,
словно почки, набухло, созрело.
Ну а в теле — поднялся ум.

1.2.7+

Он решил: «Это тело подходит
для того, чтобы жертва свершилась.
Так да буду Я воплощён!»
И отсюда оформился конь,
его тело набухло, созрело
для свершения подношения
Ашвамédхи. Кто ведаёт это,
знает, как исполнять эту жертву.
И коня за себя Он принял*,
Он конём себя вообразил
и ему дал свободу на́ год.
По прошествии года коня
Он поднёс самому себе в жертву,
всё животное — в жертву бога́м.
И поэтому всем божествам
приносимые жертвы отправятся
непосредственно только к Праджáпати.
Ашвамédха есть жар небесный,
воплощение которого — год,
а огонь подношений, Арка, —
воплощённая естность миров.
Две те естности, Солнце и Арка, —
это Бог лишь один: это Смерть.
Тот, кто видит это, тот смерть
побеждает земную, она
прикоснуться к нему не сможет.
Смерть его Естеством* становится,
он единым с богами становится.

Брахмана Третья

1.3.1

У Праджáпати было две ветви
отпрысков, первая — боги,
а вторая — асуры. Богов же
было меньше, асуров же — больше.
И за эти миры друг с другом
воевали они. И боги
так решили однажды: «Давайте
вознесём мы жертву с Удгíтой*
и одёржим победу тем сáмым!»

1.3.2

И сказали они богу-Речи:
«Пой Удгíту для нас!» Речь ответила:
«Хорошо». И пела Удгиту,
тем богам неся наслаждение.
И с тех пор слова, изречённые
в благе, благо приносят реку́шему.
И узрели асу́ры, что боги
победят их с помощью Речи.
К Речи бросились, скверной пронзили!
И оттуда исходит то зло,
что таится в словах неблагíх.

1.3.3.

И сказали боги Дыханию:
«Пой Удгíту для нас!» И ответило:
«Хорошо». И пело Удгиту,
тем богам неся наслаждение.
И с тех пор всё, что в благе вдыхается,
только благо несёт дыханию.
И узрели асуры, что боги
победят их этим Дыханием.
И Дыхание скверной пронзили!
И оттуда исходит то зло,
что таится в запахах мёрзостных.

1.3.4

Боги Глазу тогда сказали:
«Пой Удгиту для нас!» Глаз ответил:
«Хорошо». И пел им Удгиту,
тем богам неся наслаждение.

И с тех пор всё благое, что видится,
только благо несёт через зрение.
Но асуры поняли: боги
победят их с помощью Глаза.
К Глазу бросились, скверной пронзили!
И оттуда исходит всё зло,
в неблагих виденьях сокрытое.

1.3.5

Боги Уху тогда сказали:
«Пой Удгиту для нас!» Отвечало
Ухо им: «Хорошо». И пело,
тем богам неся наслаждение.
И с тех пор всё благое, что слышится,
только благо несёт тем, кто слышит.
И узрели асуры, что боги
победят их с помощью Слуха.
К Уху бросились, скверной пронзили!
Когда слышим мы скверные вещи,
эта скверна — исходит оттуда.

1.3.6

И сказали боги Уму:
«Пой Удгиту для нас!» Ум ответил:
«Хорошо». И пел им Удгиту,
тем богам неся наслаждение.
И с тех пор всё благое в уме
только благо несёт тем, кто мыслит.
Но асуры узрели: Умом
победят их боги, на Ум
на поющий набросились и...
и пронзили скверной его!
Когда думаем скверные вещи,
эта скверна — исходит оттуда.
Так богов одолели асуры,
скверной их загрязнив насквозь.

1.3.7

Главной Пране сказали боги:
«Пой Удгиту для нас!» И Прана ответила:
«Хорошо». И пела Удгиту,
и асуры поняли: Прана
победить их поможет богам.
И на Прану тогда набросились
и хотели пронзить Её скверной.
Но как грязи комок, о скалу

ударяясь, тем разлетается,
так асу́ры о Прану разбились,
разлетелись в разные стороны
и рассеялись, словно их не было.
И остались боги с победою,
а асуры были повержены.
Тот, кто ведает так, обретает
с Естеством единство, а братьев
ненавидящих он побеждает.

1.3.8

И спросили боги: «Где то,
что сплочает нас? Где пребывает?»
То в устах пребывает, внутри.
И дано тому было имя:
«Неустанный», Ая́сья, а также
и прозвание Ангíрас дано —
«Суть всех органов, сок, основа».

1.3.9

Божество это также известно
под другим своим именем — Даль,
ведь воистину смерть далеко
от него. И так же
смерть становится далеко
от того, кто ведает то.

1.3.10

Этот бог устранил смерть и грех,
смерть и грех он забрал далеко
от богов и отнёс на край света,
на край света во всех направлениях —
и оставил их там, и поэтому
с человеком, что на краю,
никогда сближаться не следует,
и идти на край света не следует,
чтобы эти порок и смерть
никогда в своей жизни не встретить.

1.3.11

И оно же, то божество,
что отбросило смерть и порок,
всех богов затем за пределы
смерти вывело, к преодолению.

1.3.12

Первым — Речь за пределы вывело,
и когда Речь от смерти свободу
обрела, то стала Огнём.
Так Огонь, превзойдя то, что смертно,
за пределами смерти горит.

1.3.13

А затем за пределы смерти
было выведено обоняние,
и когда от смерти свободу
обрело оно — стало Воздухом.
Превзойдя то, что смертно, воздух
за пределами смерти ветрит.

1.3.14

А затем за пределы смерти
было зрение уведено,
и когда от смерти свободу
получило, то стало Солнцем.
Превзойдя то, что смертно, Солнце
за пределами смерти сияет.

1.3.15

А затем за пределы смерти
уведён был и слух, и когда
получил он свободу от смерти,
четырьмя Сторонами Света
стал он, Стороны Света также
превосходят смертное всё.

1.3.16

И унёс затем ум далеко
за пределы смерти. И ум,
получив свободу от смерти,
стал Луною — она превосходит
всё, что смертно, сияя над этим.
Так и тот, кто ведает это,
унесён божеством тем от смерти.

1.3.17

И тогда для Себя этот бог
пропитание создал пением —

так любая еда, что вкушается,
поглощается именно Праной,
и едой пребывает Прана.

1.3.18

И сказали боги: «Еда
вся, какая бы ни было, пением
лишь к тебе поступает! Мы просим,
раздели её с нами теперь».
И сказал бог Прана: «Придите!
Вкруг меня садитесь, внимайте!»
«Хорошо», — сказали они
и уселись — к нему со вниманием.
И с тех пор любая еда,
что вкушается Праной, питает
остальные все чувства также.
Вкруг того, кто знает об этом,
все родные садятся, и он
их питает едою щедро,
их опорой-кормильцем становится,
их вождём и их господином.
Если ж кто из родных задумает
посоперничать с ним, то не сможет
никого накормить из родных.
Ну а тот, кто себя подчинил
тому знающему вождю,
тот с его подачи сумеет
обеспечить других родных также.

1.3.19

А еще Аясьей Ангирасом
этот бог называется также,
ведь «аясья» — неиссякаемый
сок «ангиров», органов тела.
Прана — это воистину сок,
суть всех органов, членов телесных,
и когда из членов какой-нибудь
покидает прана, он вянет.
Прана — сок всех органов-членов.

1.3.20

Также Прана — Брихаспаті,
ведь воистину — речь велика́,
как Ригведа, а речи Владыка —
это именно Брихаспаті!

1.3.21

Он — Брахма́наспати́, ведь речь
есть брахма́на, сама Яджурведа,
и Владыка её — это он,
он Брахма́наспати́ воистину!

1.3.22

Он есть Са́ман, где Са — это Слово,
Ама — Прана, а вместе — Са́ман,
а еще потому, что Прана
одинакова — «Са́ма» — для всех:
комара, муравья и слона,
и для трёх всех миров, для всей
бесконечной вселенной, Он — Са́ма,
Сама-веда. Кто ведает так,
с ней слияние обретает,
в со-единстве с ней пребывание.

1.3.23

Прана также — Удгита́, ведь Прана —
это Уд, высота-вершина,
Прана всё поднимает ввысь,
Прана — Слово, а Слово — Гита,
Песнь Всевышняя, вместе — Удгита́.

1.3.24

Брахмада́тта из рода Чики́таны,
выпив Со́му однажды, промолвил:
«Да снесёт эта Сома мне голову,
если я хоть однажды скажу,
что Ая́сья Ангирас Удгиту́
пропевал иным каким способом,
кроме как через Слово и Прану!»
Только так пропевал Он Удгиту́.

1.3.25+

Тот, кто знает, что свойство са́мана*,
силы жизни в устах, — это тон,
обладает богатством, поэтому
жрец, которому служба доверена
в исполнении са́ман, должен
возжелать, чтобы речь его тоном
обладала приятным, и службу
пусть вершит он тоном таким.

Ищут те, кто готов пожертвовать,
вот такого жреца одарённого,
словно ищут кого-то богатого.
Тот, кто знает то свойство сáмана,
то богатство его, тот и сам
обретает богатство тем самым.

1.3.26

Тот, кто знает золото сáмана,
сам становится золотым.
Его сáман звучит как золото.
Тот, кто знает звучание верное,
золотое звучание сáмана,
золотым становится сам.

1.3.27

Тот, кто знает основу сáмана,
сам становится основанием.
А основа сáмана — Слово.
Ведь на Слово лишь полагается
Прана в пении этого сáмана.
Говорят, однако, иные,
что основа — еда воистину.

1.3.28+

Вознося Павама́ны, прастóга*
начинает петь Самаве́ду.
В этот миг пусть несущий жертву
повторяет тихо молитву:
«Приведи от не-сущего к Сущему,
приведи от тёмного к Свету,
приведи от смерти к Бессмертию».
Когда он говорит: «От не-сущего
приведи меня к Сущему», знает,
что не-сущее — смерть воистину,
ну а Сущее — это Бессмертие.
И потом говорит он поэтому:
«Приведи от смерти к Бессмертию»,
значит: «Сделай меня Бессмертным».
А когда говорит: «От тёмного
приведи меня к Свету», пусть знает,
что всё тёмное — это смерть,
и что Свет — Бессмертье воистину.
И потом говорит он поэтому:
«Приведи от смерти к Бессмертию»,
значит: «Сделай меня Бессмертным».

А в словах, звучащих за тем —
«Приведи от смерти к Бессмертию», —
нет уже ничего неявного.

Дальше следуют Стóтры, которые
пропевая, нужно еду
для себя отделить, а затем,
пока Стóтры дальше поются,
пусть несущий жертву желание
загадает — всё, что он хочет.
Ведь удгáта* ведаёт, что
в этот миг все желанья исполнятся —
и его, и того, кто жертвует.
Это знание — залог покорения
всех миров. Тот, кто сáман познал,
может больше не сомневаться:
все миры для него открыты.

Брахмана Четвёртая

1.4.1+

Было лишь Естество вначале,
Естество было Духу подобно*.
Огляделся тот Дух и повсюду
ничего не узрел — лишь Себя,
и сказал первым словом: «Я Есмь».
И с тех пор повелось: если кто-то
говорит о себе, первым делом
произносит «Я есть», а затем
добавляет другое имя.
Первозданный тот Дух — до всего,
и поэтому он сжигает
нечистоты все, оставляя
лишь себя самого, Я-Естьность.
Тот, кто ведаёт это, способен
сжечь в себе нечистоты все.

1.4.2

Став же телом, Он убоился,
и поэтому все одинокие
начинают бояться, но Он
совершил размышление: «Если
ничего нет другого, лишь Я,
то чего ж мне тогда бояться?»
И тогда страх покинул его,
ведь действительно, разве же было
что-то там, чего можно бояться?
Страх — всегда это страх «второго»!

1.4.3

Но не чувствуя радости, Он
возжелал себе пару, «второго».
Стал большим Он, как двое друг друга
обнимающих, ну а потом
это тело разъял Он на два —
на мужчину и женщину. Так
появились муж и жена.
«Словно две половины горошины
расщеплённой», — так Ягнявалькья
говорил об этом. Восполнить
то пространство, вдруг опустевшее,
муж желал — и обнял жену.
Так на свет появились люди.

1.4.4

Но жена возымела сомнение:
«Как, меня из себя сотворив,
может что-то создать реальное?
Нет, увы! Мне следует скрыться».
Она стала коровой, а Он
стал быком — и обнял её.
Так на свет появились коровы.

Кобылицей стала, а Он —
жеребцом, и обнял её.
И она ослицею стала,
Он — ослом. И обнял её.
Вот тогда на свет были явлены
все животные однокопытные.
Она стала козой, Он — козлом,
она стала овцой, Он — бараном.
И Он обнял её вновь и вновь.
Так явились козы и овцы.
Так родились все твари по паре.
Всё Он создал — до муравьёв.

1.4.5

И узрел Он: «Воистину, Я
есть Творение! Я, это Я
сотворил всё вот это!» И Он
стал воистину всем Сотворённым.
Тот, кто знает об этом, и сам
тем Творцом Творенья становится.

1.4.6

А затем силой тренья, ладонями
произвёл Он из лона огонь,
породив его через рот.
И поэтому рот и ладони
безволосы, как лоно внутри.
И когда говорят: «Жертвуй этому
или жертвуй другому богу»,
это всё лишь поверхность, явленность,
боги все — лишь Его проявления.
А вся влага — лишь порождение
Его семени, семя есть Сбма,
мир — еда и едок, где еда —
это Сома, едок же — Огонь.

Это есть Сверх-творение Брахмана:
создал Он богов, превзошедших
свою смертность, ставших бессмертными.
Вот поэтому это зовётся
Сверх-творением, превосхождением.
Тот, кто ведает это, воистину
пребывает Творцом Сверх-творения.

1.4.7

Было всё тогда непроявленным.
Проявилось же — именем-формой.
Было так-то названо что-то,
получило форму такую-то.
И сейчас проявляется так:
«то зовётся вот так-то, оно
отличается формой такой-то».
Он вошёл в имена те и формы,
словно бритва в чехол, иль огонь —
во вселенский очаг пламенеющий.
Люди видеть Его не могут,
потому что видят лишь частности:
когда дышит — зовут Дыханием,
говорит — называется Речью,
когда видит, зовётся Глазом,
когда слышит, ухом зовётся,
когда мыслит — зовётся умом.
И однако всё то — имена лишь,
разным действиям Его согласные.
Кто Ему лишь в одном поклоняется
из Его проявлений этих,
тот не знает Его всецелости,
выделяя одну лишь из естённостей.
Поклоняться нужно лишь «Я» —
одному Естеству единому,
в Нём все частные естённости сходятся
и становятся Целым Одним.

Это «Я» — следы Его Стоп,
что во всём проявились. Пройдя
по следам тем, Его обнаружишь.
А Его распознав, и в миру́
обретаешь хвалу́ и славу́.

1.4.8

Это «Я» — дороже, чем сын,
и дороже Оно, чем богатство,

и дороже, чем всё остальное,
Естество это, ближе, чем близкое!
А тому, кто зовёт дорогим
что-то прочее, что-то иное,
мы укажем: «Потеряно будет
это всё, и будешь страдать».
Это именно так и будет!
А поэтому только Атману,
Естеству отдавай всё внимание,
возлюби Его крепче крепкого —
ведь Оно дорогое самое
и Оно никогда не разрушится.

1.4.9

Говорится: «Люди уверены,
что с познанием Брахмана станут
всем, что есть, — чем оно бы там ни было.
Что же Брахман такое ведаёт,
что становится всем, что бы ни было?»

1.4.10

Это было вначале лишь Брахманом,
знал себя «Я есмь Брахман», и только.
Знанием этим То стало всем.
И поэтому кто из богов
пробуждается к этому Знанию
«Я есмь Брахман», тот всем становится —
и из рíши, и из людей...
То познав, Вамадэва-рíши
так воскликнул: «Стал Мáну-лу́ной я,
Су́рьей-солнцем стал, всем стал воистину!»
И сейчас — точно так же: любой,
кто себя распознает «Я — Брахман»,
неизменно становится всем —
даже боги тому помешать
неспособны, ведь ими он тоже
точно так же становится, в них
Естество своё знает, и только.
Боги всё же пытаются, ведь
если кто божеству какому-то
поклоняется, мня: «Я отдельный
от него, он же — некто другой»,
для богов он подобен животному,
ведь животные так человеку
служат, как богу те многие.
Неприятно бывает, когда
пропадает из стада одно

из животных, — так что ж говорить,
если многие вдруг пропадут?
Нет, такое богам нежелательно.

1.4.11

Поначалу всё было Брахманом.
Но когда Оно только Одно,
расцвести Оно не могло.
И тогда сотворил Он форму
превосходную, Кшáтру — власть.
Средь богов проявилась Кшатра
в виде Индры, Варúны, Сомы,
Рúдры, Ямы, Парджáньи-дождя,
Мрítью-смерти, Ишáны-властителя.
Так что нет никого выше Кшáтриев.

И поэтому в подношении
«Раджасúя» брамíны сидят
ниже кшатриев, им поклоняются,
признают их славу высокую.
Но брамины при этом — первичнее,
ведь из Брахмана кшатрии вышли.
И поэтому царь им почтение
выражает в конце подношения.
Если кто-то, однако, к брамíну
отнесётся с пренебрежением,
это значит: свои же корни
рубанул он, и грех его хуже,
даже чем оскорбление старших.

1.4.12

Но и так расцвести не могло.
И тогда Он создал народ —
вайшьев, что средь божеств представлены
Вáсу, Рúдрами, Вйшва-дэвами,
и Адítьями, и Марúтами.

1.4.13+

Но и так расцвести не могло.
И тогда Он создал Кормíлицу*,
шúдра-варну, чтоб та всё питáла.
И она — питает всё сущее.

1.4.14

Но и так расцвести не могло.
И тогда сотворил Он Дхárму.
Дхárма — власть и над Кшáтрой имеет.
Ничего нет выше, чем Дхарма.
И поэтому сильного слабый
одолеет может Дхармой, всецело
полагаясь на Дхарму, словно бы
это высший указ царя.
Дхарма — правда, Реальности сила,
и поэтому о правдивом
человеке мы говорим:
«Его речи — дхармíчны, праведны».
Если ж речи его дхармичны,
говорим: «Говорит он правду».
Ведь и то, и другое — Есть.

1.4.15+

Так возникли брамíны и кшáтрии.
Вáйшьи, шúдры возникли так.
Стал Он быть средь богов как Огонь.
Стал Он быть средь людей как Брамíн.
Проявившись как Кшатрий, стал Кшатрием.
А как Вайшья — стал Вайшьей. Как Шудра — стал Шудрой*.
Так что люди достичь пытаются
счастья в мире богов — чрез Огонь,
счастья в мире людей — чрез брамíнов,
ведь сам Брахман принял те формы две.
Если ж кто, однако, свой мир
оставляет, реальность свою
не увидев и не познав,
то напрасно будет всё это,
словно мантры Вед позабытые
иль неделанные дела.
Даже больше того: все деяния
те благие, что он содеял,
не изведав свой истинный мир,
несомненно, увянут втúне.
Лишь на истинный мир — Естество —
полагайся, на Естьность, на Атман.
Если будешь ты предан лишь Естьности,
то дела твои не разрушатся,
ведь всё то, что создать ты захочешь,
в Естестве корениться будет.

1.4.16

Естьность «я» всех существ — это мир,
где живут они в повседневности.

Когда жертвы возносят и молятся —
это «я» в мир богов простирается,
от богов получая внимание.
Когда гимны и мантры возносят —
это «я» проникает в мир риши.
Когда предкам вершат подношение
с просьбой им ниспослать потомство,
проникает в мир предков то «я».
Когда людям пищу и кров
предлагают, тем самым становится
мир их — миром этих людей.
А когда предлагают животным
сено, воду — становятся жизнью,
миром этих животных. Для всех
тех зверей, муравьёв и птиц,
что находят пищу в их доме,
они жизнью, миром становятся.
Кто вреда причинить не желает
никаким существам и их миру,
тот и сам вреда не получит
от существ тех, зная об этом.
Так что знай это ныне и ты,
отнесись со вниманием к этому.

1.4.17

Был вначале лишь Атман, и только.
Возжелал Он: «Пусть будет Жена.
Чтобы смог Я родиться, продолжиться.
И пусть будет нечто моё,
чтобы смог я вершить подношения».
И воистину — все желания
неизменно сводятся к этому.
Если кто пожелает иного,
не найдёт ничего он больше.
И сейчас, если кто одинок,
он желает: «Пусть будет Жена.
Чтобы смог Я родить, продолжиться.
И пусть будет богатство моё,
чтобы смог я вершить подношения».
И пока не получит он этого,
он себя недоделанным чувствует,
мнит ущербность в себе, недостаточность.
Но поистине полнота его
в том, что ум его — это он,
в том, что речь его — это жена,
в том, что прана его — потомство,
и что зрение — это богатство,
ведь богатство — то, что он видит,

и что слух его — это божественно,
ведь он может о Боге услышать.
Ну а естность ему позволяет*
совершать ритуалы и действия.
Так что жертва его, подношение
состоит из пяти этих сущностей.
И любое животное тоже
состоит из пяти, человек
состоит из пяти упомянутых,
всё вот это, весь мир — из пяти.
Тот, кто ведает так, всё вот это
получает, что из пяти.

Брахмана Пятая

1.5.1

Силой разума, подвигом та́паса
произвёл семь видов еды Отец:
одна — общая пища для всех,
а вторая — лишь для богов.
Три еды — для Естности создал,
для Себя самого. А четвертую
для животных создал еду.
И едой утверждается всё —
всё, что дышит и что не дышит.
Почему же еда не кончается,
хотя все постоянно едят её?
Тот, кто ведает таинство это
пищи неистощимой и вечной,
ест всегда с пониманием сути
и становится равен богам,
животворную силу имеет.

Эту шло́ку рассмотрим теперь.

1.5.2

«Силой разума, подвигом та́паса
произвёл семь видов еды Отец» —
так воистину, силой разума
произвёл Отец, подвигом та́паса,
произвёл семь видов еды!
«Одна — общая пища для всех» —
это значит, что эту еду
поедает любой, и любой,
поедая её, выбирая,
остаётся доступен для скверны,
ведь еда та — природы смешанной.
«А вторая — лишь для богов» —
подношенья в огонь и другие
возлиянья богам — эти два
подношенья вершатся людьми
в новолуние и в полнолуние,
их вершить без желания личного
мы должны, бескорыстно — богам.
Для животных же — молоко,
ведь сначала животные тоже,
как и люди, живут молоком,
и поэтому мы младенцу

новорожденному даём
поначалу топлёное масло
или женской груди молоко.
Говорят потому о младенцах:
«Он телёнок, траву он не ест».
«И едой утверждается всё —
всё, что дышит и что не дышит», —
это значит, что всё воистину
молоком живёт и питается —
всё, что дышит и что не дышит.
Говорится, что если год
предлагать молоко огню,
вновь и вновь будет смерть отступать,
но нельзя делать так по расчёту.
Если ведаешь так, в тот же день,
когда первый раз ты поднёс
эту пищу, она будет съедена,
и любая пища, что ешь ты,
неизменно богами съедается.
«Почему же еда не кончается,
хотя все постоянно едят её?» —
а ответ: сам едок не кончается
и еду вновь и вновь производит.
«Тот, кто ведаёт таинство это
пищи неистощимой и вечной»
означает: едок — бесконечен,
он еду производит лишь мыслью,
мыслью и подношением-действием.
Если б этого он не делал,
то еда давно б истощилась.

«Ест всегда с пониманием сути» —
это значит, устами он ест.
«И становится равен богам,
животворную силу имеет» —
подтверждение славы Господа.

1.5.3

«Три еды — для Естности создал,
для Себя самого» — это значит,
ум, и речь, и Дыхание-Прану
создал Он для Себя самого.
Говорится: «Мой ум был не здесь,
и поэтому я не видел
ничего, ничего я не слышал».
Через ум мы и видим, и слышим,
через ум мы желаем, планируем,

через ум сомневаемся, верим
и не верим, колеблемся и
через ум обретаем устойчивость,
стыд, и меру, и страх — всё это
есть не что иное, как ум.
Даже если кто-то к нам сзади
прикоснулся, то мы об этом
узнаём лишь посредством ума.
Если ж звук какой прозвучит —
это речь, венец всех вещей
и конец их, а бесконечность —
бесконечность не изрекается.
Пра́на — вдох, а Апа́на — выдох,
Вья́на — ход их, Уда́на — вершина,
равновесье — Сама́на, дыханья все —
это праны, жизни основы.
И вот в них — проявляется ЕСТЬность:
проявляется в речи, в уме,
проявляется в Пране-дыхании.

1.5.4

Эти три есть три мира: речь —
мир земли воистину, ум —
это мир меж землёю и небом,
Прана — это миры небесные.

1.5.5

Эти три есть три Веды: речь
есть Ригведа воистину, ум —
Яджурведа, дыхание-Прана
есть воистину Самаведа.

1.5.6

Это боги, предки и люди:
речь есть боги воистину, ум —
это предки воистину, пра́щуры,
а дыхание-Прана — люди.

1.5.7

А отец, мать, потомство — соответственно:
ум — отец, речь есть мать, а дыхание
есть потомство, воистину так.

1.5.8+

То, что знаемо — что бы там ни было, —
что желается познанным быть,
как и то, что ещё не познано, —
это три состояния. Речь —
это знание в процессе познания.
В ней оно обретает форму,
становясь опорой для мира*.

1.5.9+

Что желается познанным быть,
что бы ни было, — сущность ума.
Что желается познанным быть —
это ум воистину сам.
В нём оно обретает форму,
становясь опорой для мира.

1.5.10+

Что не познано, что бы то ни было, —
это сущность праны-дыхания.
Что не познано — прана воистину.
В ней оно обретает форму,
становясь опорой для мира.

1.5.11

Тело речи — земля, а свет —
это сущность речи, огонь.
И насколько речь простирается —
вот настолько огромна земля
и настолько велик огонь.

1.5.12

Небо — тело ума, а свет —
это сущность ума, это солнце.
И насколько ум простирается —
вот настолько огромно небо
и настолько солнце сильно.
Эти двое когда съединились,
родилась из этого Прана,
эта Прана-дыхание — Индра,
нет ему никаких соперников.
Лишь когда есть что-то второе —
вот тогда мы видим соперника.
Тот, кто знает это, не встретит
никогда и нигде соперника.

1.5.13

Тело Праны — вода, а свет —
это сущность Праны, луна.
И насколько Прана огромна —
вот настолько вода простирается
и настолько луна велика.
Все они велики одинаково,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.